

АНДРЕЙ ЗОЛОТУХИН

Закон полена

Андрей Золотухин

Закон полена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44909282

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-94964-5

Аннотация

«Закон полена» в притчевой форме рассказывает о том, как обстоятельства заставляют людей нести ответственность за собственную жизнь и принимать неожиданные для себя решения. Конфликт мировоззрений через препятствия приводит героев к другому пониманию себя и заслуженному финалу.

Содержание

Легенда	8
Радмир	10
Графиня Д.	16
Александр	19
Елизавета	22
Александр	24
Елизавета	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Золотухин

Закон полена

Черная точка в середине белого листа, уходящего снегами из-под ног в самый горизонт и возвращающегося молочно-белыми облаками над головой. Точка, заставляющая ждать продолжения, ибо с точки начинаются все линии, вплетающие в узор истории зашифрованный смысл причин. Ею же и заканчиваются, возвращаясь следствием на излете.

Черная точка на заснеженном поле постепенно увеличивалась, и вскоре в ней можно было распознать человека, ведущего за собой лошадь с поклажей. Человек размеренным шагом покрывал расстояние экономя движения и силы. Лошадь плелась следом, понунив голову, и нетерпеливо подталкивала человека храпом в спину, чуя скорый отдых.

Я стоял у плетня, смотрел на приближающегося путника и думал о том, что выюга, заставившая умирать от скуки в этом дальнем селе, ночью утихла, и пора бы завтра с зарей отправляться в путь. Может быть, этот человек станет моим попутчиком в дороге, ибо вдвоем дорога короче и, чего греха таить, безопаснее.

– Идет! Идет! Приехал! – завопили пацаны, и тетка, у которой я нашел ночлег и стол, суетливо куда-то засобиралась.

– Слава Богу, успел, услышал мои молитвы, – кудахтала

она, складывая в узел пучки сушеной травы, застиранную ветошь и глиняную посуду.

Через минуту человек зашел в избу, поздоровался, перекрестился на образ и спросил, где больной. Это был старик, высокий и худой. Еле заметная хромота подчеркивала прямую спину и сильные плечи, знающие труд руки, не стеснялись набухших вен, но не были тронуты старческими хворями. Высокий лоб и упрямый подбородок говорили о непреклонной воле, а взгляд смиренно признавал власть ума над сердцем и духа над умом. В складках рубища прятался просто вырезанный, деревянный крест на суровой нитке.

Тетка закудаhtала пуще прежнего и повела его из избы. Когда они ушли, младший сын тетки, чумазый сорванец, поведал мне, что старик бывший вельможа, а ныне – священник и лекарь. Он ходит по дальним селам, принимает роды, крестит, лечит и отпевает, советует, когда сеять и жать, как мельницу на реке поставить, учит грамоте детей, а самое главное – сказывает сказки. Да плату за науку и помощь не берет и вообще считается святым старцем, хотя называть себя так запрещает. Словно свидетельствуя, что чумазый не врет, в избу потихоньку начал собираться народ всех возрастов и статусов. Кто с пирожком, кто с дровами, а кто и с пустыми руками, но радостный, что себя, пьяного, донес.

Спустя час старик вернулся, отдавая тетке последние указания по уходу, свалил у стены поклажу, сверху положил ружье. Пока тетка собирала на стол, грелся у печки и слушал

всех – кому совет давал, кому рецепт, а с пьяным и рюмку пропустил, перекрестившись.

В свою очередь я представился и спросил, что заставило человека из другого общества вести такой образ жизни. Старик, не мудрствуя, с простым достоинством ответил.

– Не знаю я никакого другого общества, нет его, все мы, человеки – одно общество. Если храм косой – ровный фундамент. Простой люд и есть фундамент, а все, кто тянется к кресту, стоят у него на плечах, а кто и на голову залезть норовит.

Чумазый легким котом спрыгнул с печи и дергая мать за юбку что-то тихо спросил на ухо, переминаясь с ноги на ногу.

– Иди сам и узнай, – отмахнулась тетка полотенцем. Робко двигаясь, он подошел к столу елозя пальцем в носу.

– Старче, а говорят, что ты со зверями и птицами говорить можешь?

– Иногда могу.

– Зачем тебе тогда ружье, коли ты с волками можешь договориться?

– Волки, они же, как люди: есть умные, а есть, кто только ружья и понимает. Говорить не значит договориться.

Старик отвечал спокойно, не отмахиваясь от детского любопытства:

– Понимаешь, о чем я?

Чумазый кивнул.

– Я тоже хочу научиться говорить с волками.

– Будет надобность, научишься, ежели в носу не будешь ковырять.

Чумазый вынул из носа палец и, осмелев, забрался на лавку напротив старика:

– А сказку сказывать будешь?

– Буду, поем только.

Позже, утолив голод и задымив трубкой, старик обвел взглядом собравшихся и начал свой рассказ.

Легенда

Давным-давно два верных товарища, прошедшие много битв и набегов вместе и не раз спасавшие друг другу жизнь, решили породниться и поженили своих детей. И впредь завещали они потомкам женить достойных, дабы, преумножали они славу и богатство родов своих. И так продолжалось много веков, словно над этими семьями незримо парил ангел любви и согласия. За соблюдением завещания следил в каждом поколении Уважаемый Мудрец.

Но видимо ангел получил другое задание от бога, или отвлекся, или же просто устал, и выяснилось, что очередной жених детей зачать не может. Сколько ни подкладывали ему мамки дворовых девок, ни одна не понесла от него, и по правилам завещания ему отказывалось. Бедный юноша, всем сердцем любивший свою невесту, впал в великое горе.

Тем временем, опекунша невесты и по совместительству Уважаемый Мудрец получила доклад, что генеалогические древа обоих родов прочесаны вдоль и поперек, и остался один-единственный вариант – некто Радмир. Отец его был убит на войне вскоре после его рождения, а через год костлявая прибрала и мать – татарскую принцессу захиревшего степного клана. Воспитывался сирота слугой, дальним родственником со стороны матери. Последние три года участвовал в южных войнах Ее Величества, но по ранению демоби-

лизован. За время службы разорился по причине воровства управляющего, который неизвестно куда исчез. За долги челядь, кого поймали – распродали, а непоиманные спалили деревню и ушли в леса разбоить. Мужеским здоровьем достаточен, чему подтверждением наличие бастардов. В данное время Радмир как раз возвращается с войны, но о том, что разорен, скорее всего, не знает.

Радмир

Вполне уже оформившаяся весна тянула за собой, словно младшего братишку, сонное лето и ласково тормозила, когда карапуз засыпал на ходу и подмерзал утренним ледком на лужах. Ворчанием талых ручьев она укоряла малыша за нерадение в учебе, предрекая проблемы в самостоятельной жизни, и показывала пример усердия, с каждым днем все жарче растапливая солнце. Она подмешивала яркой свежести в колер неба и лесов, роняя все больше разноцветных клякс полевых цветов, побуждая трудиться полки пчел и шмелей на благо преемника.

Не вмешиваясь в отношения родственников и с наслаждением принимая плоды весеннего труда, два всадника не спеша ехали по извилистой дороге, с каждым поворотом становящейся все более знакомой и родной. Следом в заводу брел неказистый мул, навьюченный всякой всячиной, так необходимой в пути.

В первом всаднике угадывался господин. Одет он был в поношенное, но добротное гражданское платье и крепкие сапоги, однако армейская выправка не давала обмануться, как и дерзкий вороной кавказец под седлом, выезженный явно не для прогулок. Господин был по-азиатски смугл и скуласт, но зелено-карий глаз и русые волосы выдавали полукровку. Пережитые лишения и жизненный опыт расписались мор-

щинами на его обветренном лице, но еще не стерли любопытства и озорства молодости.

Слуга его, азиат очевидный, с узким прищуром и резным лицом степного истукана, был много старше, но в седле сидел легко и уверенно. Он тихо мычал себе под нос шаманскую песню, подставив лицо с закрытыми глазами под теплые лучи. Одет он был в задрипанную овчинную безрукавку поверх выцветшего, подбитого хлопком халата и штопаные ичиги, но конь под ним хозяйскому не уступал.

– Касым, а как это? Быть одновременно и слугой, и учителем?

Вопрос всплыл в голове сам собой, как следствие мыслей, которые Радмир отпустил на волю, не сковывая контролем. Было непривычно думать ни о чем, война была позади и чувство постоянной опасности, поначалу бунтовавшее и не желавшее сходить с трона, постепенно успокаивалось и засыпало. Слегка разомлев под первыми теплыми лучами солнца, он ехал, бросив стремяна и повод, дав коню свободу самому выбирать темп и думая о том, как сложится его мирная жизнь. Эти заботы сельской жизни, когда один день с точностью повторяет следующий, и только перемена погоды, охота и ярмарка являются привычным, но гарантированным развлечением. Потом пришла мысль о том, что, наверное, пора завести семью. Совсем неожиданно Радмир подумал, что всю жизнь его семьей был старик, едущий следом, с невозмутимым выражением лица и юным блеском в глазах,

так странно соседствующим с морщинами и седыми прядями волос. Этот странный старик, за годы нахождения на чужбине так и не сменивший свой степной халат на европейское платье. Старик, вызывающий неосознанный страх у дворни и брезгливую неприязнь у дворян – усердный слуга, нянька и телохранитель, регулярно разговаривающий с духами, видимыми ему одному.

Касым, дремавший в седле, открыл глаза, прищурился на солнце и, как ленивый кот, выгнул спину, затекшую от долгой езды. Хрустнули позвонки.

– Это очень удобно. Только в роли няньки есть возможность показывать разные способы проживания жизни. Все, что может дать учитель ребенку – это показать, что жить можно по-разному и что выбирать способ жить есть неотъемлемое право каждого человека. Но показать это одно, а делать осознанный выбор и принимать за него ответственность – совсем другое, посему, только находясь рядом, можно указать на все подводные камни такого жития.

Касым замолчал, но передумав, неожиданно продолжил.

– А я рассказывал, как попал к тебе на службу?

– Да.

Радмир за всю свою жизнь много раз слышал этот вопрос и много раз отвечал на него утвердительно. И ровно столько же раз после этого выслушивал историю заново.

– В раннем детстве меня отдали шаману, из-за нищеты. Шаман меня учил до отрочества, а потом помер. Мимо про-

ходила экспедиция, и я ушел с ними. Начальник экспедиции научил меня читать, писать и фехтовать, а я учил его понимать следы животных и находить место для рытья колодца. С экспедицией я дошел до ледяных морей, с ними же приехал в столицу, где по рекомендации меня взяли к тебе на службу, за знание грамоты. Родители твои к этому времени умерли, но поместье приносило достаточно денег, чтобы дать тебе более или менее достойное воспитание. Я тебе нанимал учителей разных наук, фехтования и верховой езды, я же рассказал тебе Закон Полена.

Радмир, перелистнув страницы памяти, вспомнил, что методы его учителя-слуги были далеки от идеала, но при этом максимально прагматичны и результативны.

«Закон полена гласит: ЕСЛИ БРОСИТЬ ПОЛЕНО В ГЛУПУЮ ГОЛОВУ, ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОПАДЕШЬ». Он помнил этот закон столько, сколько помнил себя, и столько же времени пытался разгадать смысл этого странного утверждения. Касым говорил, что в тот день, когда Радмир познает этот закон, он станет не мальчиком, но мужем, и сможет вершить свою жизнь, а не просто плыть по воле ее волн.

Но закон никак не давался, логическое объяснение ему отсутствовало. Все дисциплины, преподаваемые его наемными учителями, к закону были глухи. Француз же, заставлявший зубрить европейскую философию, в перерывах между грезами о прачке с окраины Парижа и вовсе презрительно гнусавил что-то о немых варварах. Французские эротиче-

ские грезы для Радмира были такой же загадкой, что и закон полена, и вскоре он просто смирился с тем, что все взрослые люди по мере взросления теряют разум и со временем просто тупеют.

Но Касым был настойчив, и поскольку заменял ему и мать и отца, не оставлял шансов для увиливания от темы. Что бы ни происходило в жизни Радмира, Касым всегда был рядом и не упускал возможности запустить деревяшкой ему в голову после всякой оплошности или невнимательности. И что самое обидное, всегда попадал, тем самым подтверждая ненавистный закон. Как-то Радмир подкрался незаметно сзади и метнул увесистое полено Касыму прямо в седой затылок, после чего был им пойман и хладнокровно бит по мягкому месту без всяких объяснений, в доказательство версии о невменяемости взрослых.

– Духи сейчас мне сказали, что дома мы не найдем дома.

Слова Касыма выдернули Радмира из воспоминаний, и он увидел перед собой заросшее полынью и ковылем поле, запущенное и давно не паханное. Нехорошее предчувствие зашевелилось внутри, подавляя надежду очевидным.

– Прибавим шагу, – сказал он, собирая повод и высылая ногами коня.

До места добрались к обеду. Деревня встретила их тишиной и запустением. Единственный уцелевший дом с выбитыми стеклами стоял с краю, как бы извиняясь, что не сгорел. Он выглядел неразложившимся мертвецом рядом со скеле-

тами своих братьев, печные трубы которых торчали среди руин, как башни, кое-где еще белея мелом. Во дворе дома сохранился очаг, давно забывший треск горящего дерева в своей утробе.

Графиня Д.

Карета летела по лесной дороге, разбрызгивая лужи и подпрыгивая на ухабах, скрипела рессорами, пугая лесную живность и заставляя прятаться глубже в зелень. Серый четверик уверенно нес ее, послушный твердой руке возницы, изредка подбадриваемый грубым окриком и свистом бича. Мастерски съезженные кони мощно толкали копытами землю и шумно храпели, круто заходя в повороты. На запятках два рослых груга с бандитскими рожами лихо уравнивали карету от заноса, и, судя по серьезному вооружению, были еще и телохранителями. Герб на дверце кареты принадлежал графине Д., фрейлине Ее Величества, даме во всех отношениях влиятельной и серьезной, вершившей монаршую волю в политике и более деликатных делах, не терпящих лишнего внимания.

Подъезжая к поместью, возница укоротил галоп на крупную рысь, а в воротах и вовсе перешел на широкий шаг, давая лошадям отдышаться. Разгоряченные гонкой кони, еще полные сил, норовисто сопротивлялись человеческой воле, но успокоенные умелой рукой и ласковым голосом, постепенно сдались.

Подъехав к мраморной лестнице, ведущей в дом, карета остановилась. Один из гругов, легко соскочив с запяток и отодвинув подбежавшего лакея, открыл дверцу и разложил

спрятанные в днище кареты ступеньки, в поклоне предложив шею в качестве перил. Рука в дорожной перчатке, проигнорировав опору, ухватила грума за ухо и защемила в горсти так, что здоровяк пикнул и присел от боли.

– Паскудники, решили меня раньше времени в гроб загнать.

Голос графини был слаб, но тверд, под глазами темнели синяки, заметные даже под густой вуалью. Графиню укачало от бешеной скачки, но властный характер не давал ей идти на поводу у измученного тела и выглядеть слабой в глазах слуг.

– Матушка, вы же сами приказали быстрее пули... – пробасил грум, но графиня сильнее сжала ухо, отчего тот быстро умолк.

– Не перечь – высеку. Неси меня в дом.

И бросила лакею: «А ты доложи о моем приезде и приготовь мне комнаты».

– Уже все готово, Ваша Светлость! – отчеканил лакей и потрусил впереди, показывая дорогу. Довольный возможностью услужить, грум подхватил графиню на руки, как ребенка, и поспешил за ним. Следом за графиней, ковыляя и шатаясь, из кареты вышел пожилой человек, по-столичному одетый, в непомерно большом парике. Согнувшись пополам, он опорожнил желудок прямо себе под ноги, забрызгав чулки и дорогую обувь, под веселое ржание второго грума и возницы. Те не упустили возможность поглумиться над тем, кто

выше по статусу и ниже по здоровью. Человеку было плохо и ему казалось, что над ним смеются даже лошади.

Александр

Огонь в очаге шипел древесной смолой и лениво облизывал дно походного казана, помогая Касыму готовить еду во дворе единственной уцелевшей избы. Ничто в лице Касыма не говорило об отношении к произошедшему. Он резал овощи, мурлыча под нос свою бесконечную степную песню, время от времени снимая пену с поверхности кипящей воды. Радмир мрачно чистил оружие, следуя ежедневному воинскому правилу, и пытался не смотреть на окружающее его разорение, вспоминая дневные мысли о достатке и женитьбе с раздражением обманутого человека. Чувство опасности с триумфом вернулось, насмешливо злорадствуя.

Беглый осмотр разоренной деревни ни к чему не привел и никаких ответов не дал. Деревня была разграблена, все постройки сожжены, а те, что чудом уцелели, были пусты и заброшены. Ни утвари, ни припасов, ни инструментов. Не было даже стекол в окнах, и ставни на ветру обиженно скрипели не смазанными вЕками. Можно было подумать, что его дальние сородичи вновь принялись опустошать набегам чужие земли. Но на дворе стоял век просвещения и расцвета науки, а бывшие кровожадные кочевники в массе своей давно осели в городах и нашли себе более спокойные и выгодные занятия. В результате имущество Радмира состояло из того, что было надето на нем, оружия, двух коней и мула, куплен-

ного еще на южном базаре. Вопросов было много, ответов ни одного.

Вдруг кони, хрупавшие овсом, наострили уши и подняли головы в сторону дороги, откуда сквозь шорох листвы слышался стук копыт. В следующее мгновение из леса выскочил всадник и галопом направился в сторону костра. Осадив коня перед оградой, он спрыгнул с седла, достал из седельной кобуры пистолет и не прицеливаясь выстрелил. Пуля прожужжала поверх голов и, отрикошетив от железной петли на ставне окна, упала в кипящий котелок.

Касым задумчиво проследил траекторию пули и покачал головой.

– Ц-ц-ц. Похоже, духи дают нам знак.

Тем временем незадачливый стрелок кинулся к ним, на ходу отбросив пистолет и вынимая шпагу из ножен. Подбежав, он сделал выпад, целясь Радмиру в грудь. Радмир, ушедший с направления атаки, крутнулся на носках и врезал ему кулаком в скулу, сбив с головы шляпу. Стрелок дернул головой, закатил глаза и тряпичной куклой рухнул без сознания на землю. Слетевшая шляпа открыла бледное лицо, даже в обмороке сохранившее выражение гнева и обиды. Он был молод, если не юн, капризные черты выдавали натуру чувственную и импульсивную. Дорогая одежда, хорошее оружие и породистый конь говорили сами за себя. Радмир с интересом разглядывал незнакомца и гадал, что же привело его и чем вызван его воинственный настрой.

– Как ты думаешь, что ему надо? – спросил он Касыма.

– Женщину, скорее всего.

Касым невозмутимо гонял половником по дну казана невидимую сквозь варево пулю, безуспешно пытаясь ее достать.

Елизавета

Четвертую ночь подряд Лизе снился один и тот же сон. Ей снилось небо, бескрайнее и бездонное. Небо, в зените которого купалось золотое солнце, освещавшее синь вокруг и дающее всем краскам на земле под собой необыкновенную яркость и глубину. Солнце щедро одаривало весь мир неисчерпаемой и бесплатной силой, гарантируя вечную и прекрасную жизнь всему, до чего дотянутся его лучи. Пропитанная теплом земля под ногами благодарно рождала невиданные цветы, источающие божественный аромат, который пьяно вливался в грудь, мягко обнимая ликующее сердце. Если можно было представить абсолютное счастье, то оно выглядело именно так.

Внезапно воздух потемнел и приобрел странную плотность, его стало трудно вдыхать. Он начал сгущаться в сумерки, одновременно поднимая с горизонтов багровый, гудящий смерч. Сжимаясь к центру, смерч неумолимо пожирал небесную лазурь, подбираясь все ближе к светилу. Липкий холод от земли отнимал волю и не давал пошевелиться, словно внутри росла огромная пиявка, выпивающая силу из молодого тела и медленно подползающая к сердцу.

Чудовищный вихрь рос вместе с пиявкой, гигантской стеной отгораживая Лизу от всего мира и облизывая светило багровыми языками. Пиявка добралась до сердца в момент,

когда последний луч был задушен в исполинских тисках и начался ад.

Кровавый ливень прорвавшегося смерча хлынул с небес на черную землю, быстро образуя озеро, из которого, подобно демону, вышел человек. В одной руке человек держал зеркало. В его отражении Лиза увидела себя, остолбеневшую, со сквозной дырой в груди. В другой руке он нес живое, бьющееся сердце, с явным намерением заткнуть им эту дыру. На грани безумия Лиза поняла, что это сердце Александра, и не в силах вынести ужаса, с криком проснулась.

Александр

Касым доваривал у костра снадобье из трав и кореньев. Очнувшийся юноша, выплеснувший все свое разочарование, сидел связанный, прислонившись к стене, и сверлил их ненавидящим взглядом. Но теперь он хотя бы молчал, вернее, мычал что-то через кляп, который совсем недавно еще был белоснежным воротником. Радмир привел коня незнакомца, расседлал, обтер сеном, и принялся с интересом изучать оружие и содержимое сумок. Касым налил в чашку немного отвара и, захватив флягу с водой, подошел к связанному Александру, присел на корточки и спокойно сказал:

– Если не будешь снова ругаться, я выну кляп.

Александр кивнул, селясь выглядеть достойно, насколько это возможно с кляпом во рту. Касым вынул изо рта воротник, смочил его водой из фляги и, отжав осторожно, обтер налившийся синяк на лице Александра. Потом, сложив пополам, положил ему на лоб, продолжая говорить.

– Ты сейчас много кричал о том, что готов на все ради возможности быть вместе с любимой. Готов ради своего счастья даже на убийство невинного человека?

Александр обескуражено молчал.

– Мы можем тебе помочь чем-нибудь еще, кроме своей смерти?

– Чем ты, безродный степняк, можешь мне помочь? – за-

носчиво ответил юноша, и Касым подумал, что парень, видимо, иначе разговаривать не умеет.

– При всем твоём величии ты связан и уныл благодаря своей глупости, и находишься в плену у ничтожества, от которого зависишь.

Александр опустил голову. Видимо, эти невежи возомнили о себе невесть что, позволив себе связать его, и, что совсем недопустимо, заткнуть ему рот, как какому-нибудь плебею. Унизительная необходимость разговаривать со слугой усугублялась явным нежеланием господина его замечать. Но другого собеседника не имелось, а выбираться как-то надо. Хотелось, чтобы все это закончилось, пусть даже через общение с быдлом. Он собрал все свое невеликое терпение и процедил:

– Моя неспособность иметь детей ставит крест на всем, что мне дорого. Еще три дня назад все было прекрасно. У меня была невеста, счастье и ясность обозримого будущего, но тут появляется твой господин и забирает то, что принадлежит мне по праву. Я бы отдал все даже за самую малую надежду изменить положение вещей.

– Если ты готов, духи обязательно тебе помогут, собственно, это их работа. Но сначала надо прийти в себя. Выпей, это придаст тебе сил, а завтра мы будем думать, что нам всем делать.

Касым забрал пустую чашку и вернувшись к Радмиру, разглядывающему дорогой пистолет, тихо спросил:

– Мне показалось или у нас гости?

– Не показалось. В лесу кто-то есть, возможно, парень пришел не один.

Как выяснилось, пистолет Радмир не разглядывал, а быстро заряжал, положив и свои два поближе.

– Что будем делать?

– Выстрелом из леса нас не достать. Сейчас парень заснет, отнесем его в дом и будем ждать.

Радмир занес оружие внутрь. Вернувшись и подхватив за ноги уснувшего Александра, помог Касыму занести и его. Потом прикрыл ставни, положил на подоконник пистолеты и с ружьем встал возле окна. Касым с тесаком встал у двери, когда в ставень тихо постучали.

– Дед Касым, не стреляй, это я, Игнат. Помнишь, ты мне в детстве ногу зашивал, когда я серпом порезался.

Касым осторожно открыл дверь и впустил мужика, заросшего бородой. Мужик снял шапку, белозубо улыбнулся и поклонился Радмиру.

– Ну, барин, стало быть, с возвращением.

Елизавета

Известие о расстройстве брака и пропаже Александра произвело на Лизу эффект гильотины, с ржавым скрипом отрубившей прошлую жизнь, со всеми ее надеждами и чаяниями, холодным зазубренным лезвием. Ее Сашенька, такой родной и нежный, пропал, узнав, что им не быть вместе. Челядь показала, что барин, получив письмо, в нервном расстройстве приказали седлать коня и взявши пистолы с сабллей умчались, никому ничего не сказав. Предположив, что он решил убить соперника, к тому по горячим следам отправили гонцов, но Сашеньку там не нашли, и передав приглашение в руки Радмиру, вернулись ни с чем. Доехал ли он туда, и вообще туда ли собирался, можно было только гадать. Может, он стал жертвой диких зверей, а, может, лихих людей.

Все эти мысли не давали ей покоя. В бредовом ночном забытии она видела кошмары, пугавшие своей жуткой реальностью. В оцепенении, доходя до крайнего ужаса, просыпалась в ночи, пугая криком немую девочку Варюню, которую из жалости взяла к себе в прислуги.

На фоне переживаний здоровье начало сдавать, и прибывшая из столицы графиня Д. привезла с собой доктора. Осмотрев Лизу, доктор пожал плечами и промямлил, что недуг у барышни не телесный, а душевный, и лекарство от

сего недуга одно – время. Весь привычный мир трещал по швам, так плохо не было даже когда безвременно ушли ее родители. Но тогда рядом был ее кузен – барон Н., который разделил с ней всю боль утраты и был надежной опорой несмотря на то, что они были еще детьми. Лиза отправила к нему гонца, ожидая приезда барона со дня на день, и молила ангелов, чтобы он успел раньше новоиспеченного жениха.

Графиня, зашедшая с утра справиться о ее самочувствии, в подготовительном молчании задумчиво пила китайский чай с медом и травами. Собираясь с мыслями, она смотрела на огонь в камине, который Лиза приказала разжечь, несмотря на теплую погоду. Лиза чувствовала, что графиня любит ее всем сердцем, нерастраченной материнской любовью бездетной женщины, и понимала, что та разрывается между этой любовью и словом, данным ее родителям. Обе осознавали, что должны сказать и каков будет ответ. Таким образом, весь этот разговор превращался в не более чем вежливый ритуал, тяготивший обеих.

– Вам отвратителен конкретно он? – наконец произнесла графиня. Она старалась говорить ласково, но без излишней сентиментальности, которая, по ее убеждению, могла спровоцировать истерику, и была злом, поскольку затмевала разум.

– Стоит ли понимать, что некто другой, кроме Радмира, вас устроит больше? – графиня подбирала слова, но была по своему обыкновению строга и непреклонна. – Может быть,

будучи ангелом, вы сами выбрали такую судьбу? Александра до сих пор не нашли, и найдут ли...

– Он жив.

Лиза знала это, сердце не лгало, не умело лгать. Невидимая струна связывала их, и пока струна звучала, на другом конце была жизнь. Эта струна не была верой, она была знанием.

– Когда я взяла над вами опеку, то поклялась вашим родителями, что устрою вашу судьбу согласно их воле. Никто тогда не мог предположить...

Лиза перебила, не дав графине договорить.

– Дети от этого брака, если он состоится, никогда не будут мной любимы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.